

ИГОРЬ ЗАРАЙЦЕВ

ВСТРЕЧИ С
АНГЕЛАМИ

12+

Игорь Зарайцев
Встречи с ангелами

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Зарайцев И. В.

Встречи с ангелами / И. В. Зарайцев — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Эта книга рассказывает о жизни и духовном пути нашего современника, человека, который, получил возможность прикоснуться к неизведанным тайнам бытия. Процесс духовного взросления был непростым, а главному герою пришлось пройти через многие испытания и познать удивительные откровения. И прежде чем он смог увидеть Божественный Свет, его сознание претерпело долгий путь от крайнего негативизма воинствующего атеиста до признания Божественной Иерархии. Реален ли астральный мир? Таинственные духовные сущности, высокие Учителя человечества и их посланники, ангелы и демоны – существуют ли они на самом деле? А, может быть, они находятся рядом, среди нас? Что общего в мировых религиях, выдающихся духовных учениях? Ответ вы найдёте в этой книге.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Атеист	6
Искатель истины	6
Воздух свободы	9
Первая встреча	10
Юность героя	12
Муки искания	14
Коварный двойник	17
Глава 2. Прозрение	21
Измена	21
Спасители из другого мира	23
Манифестация веры	26
Судьбоносная встреча	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Предисловие

Эта книга рассказывает о жизни и духовном пути нашего современника, человека, который, получил возможность прикоснуться к неизведанным тайнам бытия. Процесс духовного взросления был непростым, а главному герою пришлось пройти через многие испытания и познать удивительные откровения. И прежде чем он смог увидеть Божественный Свет, его сознание претерпело долгий путь от крайнего негативизма воинствующего атеиста до признания Божественной Иерархии. Реален ли астральный мир? Таинственные духовные сущности, высокие Учителя человечества и их посланники, ангелы и демоны – существуют ли они на самом деле? А, может быть, они находятся рядом, среди нас? Что общего в мировых религиях, выдающихся духовных учениях? Ответ вы найдёте в этой книге.

Может быть, вы сможете узнать нечто такое, что однажды происходило и в вашей жизни? Почти каждый из нас когда-нибудь имел удивительные мгновения духовных озарений или мистического опыта. У каждого этот опыт свой, неповторимый. И мы скрываем его где-то очень глубоко в своей душе, как воспоминание о чем-то чудесном. Или отмахиваемся от этих мимолетных видений и пытаемся все забыть, так как они напоминают нам о том, что нечто Высшее живет в нас и над нами, и это Высшее, по нашему разумению, никак не сочетается с серой действительностью, которой наполнены наши будни. Но оглянемся вокруг, удивительное живет рядом! Нужно только внимательнее присмотреться или, может быть, вчитаться, оставив, наконец, глубоко внедренные в наше сознание предубеждения. И тогда окружающий нас загадочный и необъятный мир, весьма вероятно, раскроется перед нами во всей своей удивительной красоте.

Книга адресована широкому кругу читателей и, прежде всего, тем, кто интересуется эзотерическими учениями и ищет свой духовный путь.

«Ангелы находятся в непрестанной, неутомимой заботе о судьбе нашей: Ангелы Света употребляют все усилия, чтоб мы во время земного нашего странствия приготовили и заслужили себе вечное блаженство; а ангелы тьмы употребляют все усилия, чтоб увлечь нас с собою в адскую пропасть.»

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

Глава 1. Атеист

Искатель истины

Как вы думаете, существуют ли ангелы?

На свете жил, или, быть может, даже еще живет человек, который отвечал на этот вопрос утвердительно.

Люди, как правило, представляют себе ангелов небесными созданиями с крыльями за спиной. Так вот, герой нашего повествования был о них несколько иного мнения, потому что сам видел этих самых ангелов, или, по крайней мере, тех, кого он, не без основания, так называл, и даже имел честь беседовать с ними. Уверенность же, что это именно ангелы, была непреклонной, потому что они всегда приходили не из мира сего.

Итак, звали этого человека, беседовавшего с ангелами, Александром Александровичем, по-простому Сан Санычем, а фамилия у него была весьма в России распространенная – Козлов.

Все Козловы из семьи, которой принадлежал Александр Александрович, произошли из одной старинной, имеющей одноименное с этой фамилией, можно сказать, родовое название деревни, что вблизи города Зарянска. Этот Зарянск, ныне заурядный провинциальный городок, тем не менее, получил известность еще со времен монголо-татарского нашествия, и, как писали местные историки, был даже на десять лет старше самой Москвы. Монголы неоднократно проходили мимо города во время походов на Русь, при этом непременно Зарянск сжигали и разоряли. Но с тех пор, слава богу, никакие иноземные захватчики больше городу не угрожали. Однако при новой напасти в 1917 году жгли и разоряли его крайне взволнованные рабочие и крестьяне, не без причины, возмущавшиеся существовавшим тогда, определенно, не вполне справедливым общественным строем. Они, говорят, даже палили из пушек по буржуйам, засевающим в городском кремле. Несмотря ни на что, город выстоял, вместе с кремлем, и на географической карте остался.

Уже в советскую пору, дабы "религиозный опиум" не затуманивал сознание устремленного в светлое коммунистическое будущее народа, храмы на территории городского кремля закрыли и стали использовать в качестве складских помещений. А со временем в самом большом по площади соборе даже обустроили кинотеатр на радость воспитанной в духе диалектического материализма молодежи и к вящему ужасу богобоязненных старух. В новейшей же, как бы это сказать, «демократической» истории Зарянск также подвергался всевозможным преобразованиям, в результате которых храмы в лоно церкви вернулись, но, одновременно с этим, почти все некогда успешные зарянские промышленные и сельскохозяйственные предприятия, на беду, разорились и закрылись. Однако местные жители, как и всегда полагаясь на собственные силы, унынию не поддавались и не переставали надеяться на обещанное им в очередной раз местным начальством чудодейственное возрождение и процветание любимого города.

А в некогда крепкой и зажиточной, даже по колхозным меркам, деревне Козлово к нашему времени сохранились только несколько полуразрушенных изб, да заросший ряской и осокой деревенский пруд, скорее напоминающий гниющее болото. Люди с родины Александра Александровича давно уехали, убежали даже крысы, правда, остались довольно упитанные караси в пруду, потому как деваться им некуда, да и корма хоть отбавляй.

Сан Саныч был человеком задумчивым и серьезным, но, вместе с тем, добрым, сердечным, где-то даже утонченным и сентиментальным, нет-нет, да и заплачет над какой-нибудь безделицей. Жена называла его неисправимым пессимистом, а дети считали просто чудачком. В общем, представлял собой господин Козлов обычного среднестатистического россиянина с высшим, еще советским образованием и весьма скромным достатком. Но была у него един-

ственная страсть – страсть к книгам, и единственный глобальный вопрос занимал его всю жизнь – вопрос о смысле этой самой жизни.

Пусть не покажется это банальным, но при обсуждении литературных пристрастий книголюба Козлова следует все же сказать, что, именно, русская классика являлась для него тем поистине святым источником, из которого черпал он знания о тайнах человеческой души и вдохновение для постижения земной мудрости. В то же время одним из его любимых литературных персонажей был Билли Пилигрим, главный герой романа "Бойня номер пять" классика американской литературы Курта Воннегута. Билли, помимо всего прочего, интересен был тем, что имел обыкновение путешествовать во времени по своей жизни, и тоже, как и Сан Саныч Козлов, слыл милым чудаком. Но все же, надо сказать, он жил в Америке, где, как правило, не наказывали путешествующих во времени, порой участливо к ним относились, и иногда, если верить Воннегуту, даже повышали по службе. В нашей же стороне чудачества с подобными путешествиями категорически не приветствовались, что уж говорить об ангелах. А носители таких, совсем уж необычных, мыслей непременно признавались страдающими опасным недугом и направлялись, как говорится, для их же блага, на лечение в больницу или исправительно-трудовой лагерь, откуда выходили, исключительно, только тогда, когда вся несусветная, по общепринятым понятиям, дурь и вредоносные умозаключения из головы исчезали.

Всю жизнь Сан Саныча не покидало ощущение присутствия рядом с ним каких-то таинственных высших сил. Временами подобные чувства обострялись, и именно тогда происходили те мимолетные озарения, которые вспыхивали фейерверками неопишущего восторга и великолепных видений, аналогов которым в земной жизни трудно подобрать.

Еще в раннем детстве по ночам к Саше как будто приходили, какие-то очень добрые и заботливые, почти воздушные создания. Если он горевал или плакал, они нежно утешали; если не спал, будто нашептывали что-то, или тихо напевали колыбельную, и он засыпал беззаботным, счастливым детским сном. Впоследствии, с годами все эти воспоминания постепенно забылись, и от них осталось только туманное, легкое ощущение чего-то светлого, что, кажется, непременно происходило, а, может быть, и не совсем. А, может, действительно, и было все это только чудесным сном.

Как соприкосновение с волшебством, или, вернее, с колдовством, в понимании ребенка, запомнился один эпизод.

Еще совсем маленького Сашу чрезвычайно мучила пупочная грыжа, с которой доктора без операции ничего поделать не могли, и мать отправилась с ним к местной знахарке для лечения заговором. Знахарка оказалась древней старухой с иссохшим, морщинистым, серым лицом и худыми, жилистыми руками. Всем своим видом, сгорбленной старческой фигурой, она напоминала колдунью.

Саша лежал на старой металлической, застланной обветшалым сырым бельем кровати, в темной, мрачной, маленькой комнате с обшарпанными обоями и с ужасом смотрел на склонившуюся над ним "колдунью". Последняя долго что-то нашептывала, не то молитвы, не то заклинания, осуществляя пассы руками над распластанным детским тельцем. В завершении вдруг перекрестила Сашу и положила на него свои некрасивые, как казалось, даже страшные руки. Однако эффект оказался, вопреки ожиданиям, прямо противоположным. Все тело ребенка наполнилось приятным теплом, боли прекратились, слезы высохли как-то сами собой. "Колдунья" вдруг улыбнулась мягкой, доброй улыбкой, страх сменился ощущением радости, и чувство благодарности к этой, Саша знал уже точно, хорошей и волшебной бабушке переполняло его настолько, что даже неприветливая комната стала как будто светлее и приятнее. Как ни странно, но грыжа действительно исчезла через день или два, так что о ней и вовсе позабыли. Однако волшебная старуха с добрыми глазами запомнилась, и как потом, через много лет понял Александр Александрович, именно она принесла первый осознанный опыт знакомства с неким сверхъестественным, удивительным и непонятным.

Запомнилась фраза, брошенная знахаркой на прощанье: «Смотрите, мамаша, ребенок непростой, работать с ним больно трудно. Сила, что ли какая – то с ним?! Ну, с богом, а то я умаилась вся, полежать нужно».

В целом, воспоминания Сан Саныча о детстве были самыми радужными. Весь мир тогда казался ему огромным и красивым, наполненным великолепными цветами, исполинскими деревьями, волнующими звуками полей и лесов, волшебным пением птиц, таинственным шелестом и жужжанием насекомых, которые представлялись ему настоящими пришельцами из страны сказок. Саша был окружен вниманием, заботой и любовью близких. Рядом всегда была нежная мать, которая напоминала добрую волшебницу. Все вокруг светилось радостью. Но, вместе с тем, сквозь иллюзию благополучия изредка прорывались ощущения присутствия чего-то тревожного и даже пугающего. То вдруг зазвучит грубое, оскорбительное слово, то в крик разругаются соседи, то явится взору во всей своей неприглядности чья-нибудь бедность и нищета, то пройдет мимо больной и несчастный человек. И тогда непонятное, но неведомо откуда знакомое, как будто давным-давно изведенное чувство щемящей тоски охватывало сердце Саши и наполняло непреодолимой жалостью ко всему ущербному, страдающему и болезненному на свете.

Таков был Александр Александрович Козлов, и жизнь ему пришлось прожить непростую, полную испытаний и таинственных происшествий...

Воздух свободы

Москва посерела от стелящегося по крышам домов тумана. Холодный осенний дождь, обостряя сезонную депрессию, утопил последние надежды горожан на наступление спасительного тепла.

Дверь в здание военной прокуратуры за спиной Александра Александровича со скрипом закрылась, заглушив гул беспокойной конторской суеты. Он поднял лицо, мокрое от дождя, и с удивлением, будто впервые, посмотрел на низкое свинцовое небо, источающее, как теперь казалось, очищающую и бодрящую влагу.

Неужели, свободен?!

Разве мог он когда-нибудь подумать или представить, что окажется в роли обвиняемого? Он, который считал своими идеалами долг, честь, совесть, справедливость, а в людях всегда ценил, прежде всего, порядочность и доброту. Он, который никогда не брал чужого и с отвращением относился ко всякому проявлению нечистоплотности и воровству, в каком бы то ни было виде. Как случилось, что его обвинили в столь тяжких преступлениях? Что стало со страной, где он родился и вырос, за которую воевал и которую любил? Что это – наваждение или закономерность, сужденное испытание? Вот уж верно гласит пословица, от сумы и от тюрьмы не зарекайся, в самую точку.

И все же вот она, свобода! Давно не испытываемое чувство радости переполняло Александра Александровича. Он шел уверенной походкой, рассекая густой, насыщенный запахами бензина и прелой листвы московский воздух. За последнее время многое пришлось пережить и передумать. И то, что происходило в минувшие дни, эти странные события постепенно вписывались в логику всей его необыкновенной жизни и давали ключ к тому, чего он усиленно и настойчиво искал многие годы.

"Необходимо все еще раз хорошо обдумать, – напряженно размышлял Сан Саныч, – найти свой путь и трудиться, чтобы исполнить предначертанное. Только бы стать достойным доверия, только бы не изменить себе! Неужели все перенесенные страдания и испытания, мучительные искания истины будут рано или поздно вознаграждены?! Надо верить! Нет ничего сильнее веры! Но все же, когда все это началось, где начало пути, был ли правильным сделанный выбор?"

Первая встреча

Это случилось вскоре после того, как Саше исполнилось семь лет. У него вдруг неожиданно разболелся живот. Неоднократные визиты врачей не прояснили диагноза, и больного, как потом выяснилось, с многодневным опозданием все-таки направили в больницу. Таким образом, Саша после бурных прощаний с рыдающей матерью оказался в коридоре хирургического отделения, так как свободных коек в палатах, как водится, не оказалось. У Саши болел живот, голова и вообще весь он горел в лихорадке и чувствовал себя абсолютно одиноким и несчастным. Огромный серый, затемненный и холодный коридор с высокими потолками пугал своей гулкостью и неприветливостью. С шумом снующие взад и вперед дети, которым до Саши, естественно, не было никакого дела, вызывали желание куда-нибудь спрятаться или, еще лучше, совсем исчезнуть. Мир вокруг вдруг стал враждебным и даже опасным в своей неопределенности. Сознание, казалось, вот-вот померкнет и принесет спасительное забвение. Бедный мальчик спрятался с головой под одеялом, но забвения не наступало...

И тут появился пожилой доктор в белой накрахмаленной шапочке и больших очках на веревочке. Глаза у него были грустные, усталые, но внимательные и спокойные, и от всей крупноватой и несколько нескладной фигуры доктора веяло теплом и уверенностью. Мягкие быстрые руки ощупали впалый мальчишеский живот, и Саша услышал эти слова: «Гангренозный аппендицит, перитонит, срочно на операцию».

Пожилая медицинская сестра, очень нервная и раздраженная из-за беготни детей, периодически сердито покрикивая на них, привычными, доведенными до абсолютного автоматизма, движениями сделала сморщившемуся от боли Саше назначенные доктором инъекции. При этом она не проявила никаких эмоций, как будто перед ней был не маленький пациент, а неодушевленный манекен, и молча, удалилась в темноту коридора, откуда вскоре выплыли две заспанного вида санитарки. Застывшего от ужаса и полного непонимания происходящего Сашу поместили на холодную, застеленную пожелтевшей простыней каталку, и повезли навстречу неизвестности. Над ним медленно проплывали тусклые огни приглушенного больничного освещения, сменяющиеся провалами неожиданно обрушивающейся темноты, каталка подпрыгивала и скрипела, как несмазанная телега, и этот путь по длинным коридорам, хранящим память о многих человеческих страданиях, казался вечностью.

Тем не менее, «вечность» закончилась просторной, в голубом кафеле, операционной, в которой деловито суетились люди в длинных белых халатах с лицами, до глаз закрытыми марлевыми масками. Они напоминали Айболита с картинки из детской книжки, которую читала Саше мать, но воспоминания о сказке в данный момент никак его не успокаивали. Он испуганно глазел на столик с медицинскими инструментами, холодно поблескивающими сталью под лучами большого, прикрепленного над операционным столом, круглого светильника с множеством слепящих глаза ламп.

– Лежи спокойно и ровно дыши, – вдруг послышался голос одного из "айболитов", склонившегося над ним.

– Ты умеешь считать? В школу то ходишь?

– Умею, хожу, – еле слышно прошептал Саша, – недавно.

Он действительно сходил в первый класс только несколько дней и заболел.

– Ну вот, и чудненько, считай до десяти.

Саша начал считать:

–Раз, два, три.

Веки стали тяжелыми, очень захотелось спать, а также, чтобы его немедленно оставили в покое.

– Четыре... пя-я-ть...

Язык заплетался. Голова закружилась, он, словно проваливался куда-то. Вдруг все померкло, свет ламп, тягостные переживания последнего дня. Наступила темнота...

И вот тут произошло это.

Саша вдруг проснулся и отчетливо увидел себя в залитом светом пространстве. Свет был очень ярким, но не ослеплял, а наоборот нежно обволакивал, как будто ласкал и успокаивал. Но это не был солнечный свет. Саша почувствовал необычайную легкость, он не ощущал своего тела, которое стало воздушным, и, словно парил в воздухе. Хотя воздух ли его окружал? Дыхания, в земном понимании, не чувствовалось, оно было как будто лишним. Все проникало и как бы питало этот удивительный, волшебный свет.

Неожиданно перед Сашей возникла Она. Это была женщина с очень нежными, тонкими чертами лица и белокурыми волосами в очень легком, казавшемся почти прозрачным, ярко белом одеянии. Она сама была как бы прозрачная, образованная из заполняющего пространство света, и одновременно была окружена непередаваемым серебристым, сверкающим сиянием. Можно было бы назвать ее Феей, подобной той, что из сказки «Золушка», но она была намного прекраснее и реальнее воображаемой феи. Никакие фантазии не смогли бы сделать ее еще прекрасней, чем она была на самом деле.

Фея протянула Саше руку, и, взявшись за нее, он почти ничего осязаемо не почувствовал, а только ощутил сильное, будто магнетическое притяжение. Еще он всем своим сердцем чувствовал любовь и нежность, исходящую от этой удивительной женщины, и сам уже искренне и сильно любил ее, как любил мать и все счастливое, что было в его беззаботной детской жизни. Она ничего не говорила, но, определенно, понимала Сашу без слов, все, что он думал в настоящий момент. И он абсолютно понимал все, что она мысленно внушала ему. Они были вместе, они были одним целым, и это чувство единства с Феей и, как казалось, со всем этим, вдруг неожиданно явившимся неизведанным миром давало странное ощущение обретения чего-то родного и недавно покинутого. Саша ощущал себя здесь как дома, и даже лучше, чем дома. Он смутно что-то помнил об этом мире и постепенно приходил к уверенности, что уже не раз бывал здесь.

Саша взмыл вместе с Феей, и они тихо поплыли, возносимые потоками струящегося света. Путешествие их проходило через большие, величественные, лишенные какого-либо убранства залы, заполненные невесомыми розовыми, как бы живыми облаками. Вокруг не было ни души. Было только чувство абсолютного покоя, счастья и страстное желание остаться здесь, в этой волшебной стране навсегда.

Неожиданно, также как появилась, Фея исчезла. Саша, словно лишенный опоры, провалился в темноту. Он вдруг отяжелел, почувствовал тянущую боль в животе, и весь полный страха и страдания мир, который он оставил тогда, когда считал до десяти в операционной, снова навалился на него всей своей неотвратимой реальностью.

Он находился в послеоперационной палате. Рядом на соседней койке кто-то тихо стонал. Во рту пересохло, распухший шершавый язык прилипал к небу, очень хотелось пить, но пить не дали, сказали, что пока нельзя. Все тело ломало и выкручивало, лихорадка не унималась и лишь мимолетные воспоминания о внезапно обретенной и также неожиданно потерянной волшебной стране приносили мгновения радости и надежды на что-то прекрасное, что непременно ждало впереди. Так продолжалась нелегкая борьба детского организма за выздоровление. Оказывается, запущенный аппендицит действительно привел к серьезным осложнениям в виде тяжелого перитонита, и в какой-то момент жизнь Саши была под угрозой. Однако удачно прошедшая операция и поразительно быстрая положительная динамика в состоянии больного удивили даже выдавших виды хирургов. Говорили: "Надо же, такой щуплый на вид, а организм крепкий, откуда только силы взялись?"

Действительно, откуда взялись у тщедушного мальчишки силы побороть болезнь, смертность, при которой составляла, чуть ли не девяносто девять процентов? Может, чудо помогло?

Юность героя

Страна гремела славою трудовых побед, выдающихся свершений и гордилась досрочным выполнением пятилетних планов. Семидесятые годы принесли ощущение избранности и исключительности Советского Союза, реально контролировавшего, а порой и кормившего, за счет своих героических граждан, почти половину мира. Вместе с тем, большая часть этих самых советских граждан жила с искренней любовью к своей Родине и непоколебимой уверенностью в завтрашнем дне. На деле бесплатная медицина, детские сады, образование, в том числе высшее, реализованное право на труд и социальные гарантии делали жизнь советского человека пусть небогатой, но вполне достаточной, стабильной и предсказуемой. Правда, легко объяснимое желание людей одеваться и питаться все лучше, заставляло их, истово добиваясь обретения дефицитных товаров, выстаивать у магазинных прилавков многочасовые очереди, становившиеся уже реальной проблемой общества, провозгласившего, но так и не реализовавшего принцип: "от каждого по способностям, каждому по труду". В то же время такие чуждые советскому строю явления, как беспризорность, безработица и организованная преступность, отсутствовали и были известны только из выпусков новостей о странах капитализма. А наша страна, устремившись в будущее, развивала науку, промышленность, покоряла космос и атом, была первой в спорте и балете, гордилась своим кинематографом и неповторимой литературой.

Многие люди того времени нередко посмеивались, когда во время трансляции заседания очередного съезда компартии, слышали речь все время "причмокивающего" генерального секретаря, многочасовой доклад которого напоминал затянувшийся прием у логопеда. Правда, надо сказать, почти во всех концах нашей необъятной страны передавались из уст в уста анекдоты о Брежневe, а также о многих политических и исторических деятелях, и никому за это, чтобы там не говорили, ничего не было. В общем, уже изрядно подзабыв о трагическом времени правления товарища Сталина, жили под руководством ареопага старцев под названием Политбюро. Жили, в основном, весело и беззаботно, где-то даже беспечно, сильно не задумываясь ни о душе, ни о земном, ни о небесном.

Вот в это памятное время протекали школьные годы Александра, которые, как водится, очень быстро завершились, оставив в прошлом пионерские сборы, военно-спортивные игры «зарница», скучные комсомольские собрания и идеологически выдержанные классные часы. Он всегда был добросовестным учеником, исправно делал уроки, старался вести себя примерно и ответственно относился к общественным поручениям. Кстати, вот это чувство обостренной, так сказать, ответственности часто осложняло его школьную жизнь. Малейшие замечания вызывали в нем угрызения совести и терзающее желание искупить свою вину. Он не терпел ссор и обид, вообще чувство обиды не было ему знакомо, и если иногда возникали какие-то недоразумения и напряженность в отношениях с товарищами, он незамедлительно, даже иногда в ущерб себе, пытался их сгладить. За это все его считали мягким и безотказным, чем часто не бескорыстно пользовались некоторые не слишком добросовестные одноклассники. Из-за осознания этой своей уязвимости Саша все время пытался найти некую опору в жизни. Ему не хватало искренних друзей и ближайшими друзьями для него стали книги. Захватывающие приключения литературных героев будили воображение и отвлекали от досаждавших проблем. Однако вскоре юношеская литература перестала его интересовать, классика из школьной программы была "зализана" до абзацев, а обсуждение ее на уроках сильно формализовано. Пытливый ум искал чего-то другого.

Как-то ему в руки случайно попал роман Булгакова «Мастер и Маргарита». Роман был в самиздатовском исполнении. Официально он тогда не печатался, так как считался идеологически чуждым. Однако Александр никак не мог понять, что же угрожало советской власти в этом произведении, пусть весьма экстравагантном, но в то же время проникнутом идеями

гуманизма и любви? Пожалуй, впервые предстали пред ним столь осязаемо образы Иешуа – Иисуса и его антипода Воланда – Сатаны. Его поразило, сделанное им наблюдение, что ставшие нарицательными имена представителей двух противоположных лагерей космических сил – добра и зла, неотъемлемо изо дня в день пребывали в нашей повседневности. Но большинство людей, постоянно их поминающие, никогда не задумывались о том, существовали ли они в реальности?

Так был ли Иисус на самом деле? Может ли появиться среди нас настоящий Сатана?

Муки искания

Пухлые, запыленные, давно не востребуемые книжные тома с шелестом соскальзывали с верхней полки бабушкиного шкафа. Саша, брезгливо морщась, отбрасывал их в сторону в поисках потерявшейся тетради с конспектами. И вот в руки попал завязанный крест – накрест бумажный сверток, покрытый многолетними наслоениями пыли. Разыгравшееся любопытство взяло верх над брезгливостью, и сверток был не без труда развязан, обнаружив пожелтевшую от времени книгу в мягкой обложке со шрифтом еще дореволюционных годов. Это была Библия.

Распространение религиозной литературы в те времена преследовалось, поэтому хранение священного писания столь скрытным способом не вызывало удивления. Тем не менее, находка Александра поразила.

– Что же ты Библию то на шкафу прячешь, бабуля, или боишься чего?

Саша любил подшучивать над бабушкой, но сейчас понял, что шутка явно не удалась. Старая, поседевшая, уставшая от жизни женщина, пережившая коллективизацию, великую войну и разруху, насторожилась и с опаской посмотрела на внука.

– Тебе то, что с этого, внучек? Мало ли чего я боюсь. Времена еще не прошли, чтобы не бояться. Положи на место, что нашел, не надо этого тебе.

– А я уж прочитал ее, Библию то, так ни чего особенного в ней и нет вовсе. Сказка, какая – то.

– Сказка говоришь, а что ты в ней понять успел?

Было видно, что внук задел за живое.

– Понял, что Бог все создал, но и наказывает жестоко того, кто ему не подчиняется. Вот Адама и Еву создал, но и изгнал из рая, испытаниям подверг. Города разрушал за всякие грехи. Это что, справедливо? И вообще, как он мог весь мир создать за семь дней, если наука утверждает, что на это понадобилось несколько миллиардов лет? – ответил Саша.

– Так в сказках внучек тоже написано не так, как в учебниках, а ты в детстве верил и в волшебников добрых и злых, и в силы светлые, и в чудеса.

– Это в детстве было, когда я еще знаний никаких не имел.

– Вот и выходит, что люди к знаниям стремятся, а Бога забывают. В гордыне своей думают, что все могут и не верят ни во что, а самого главного не могут – сделать себя счастливыми. Так и бегут куда–то, а доли своей не ведают и часа своего последнего на этой грешной земле не знают.

– А что, Бог может указать, когда смерть придет? – Саша хитро посмотрел на бабушку.

– Господь может и не укажет, когда смертушка придет, так как недостойны мы этого, а надежду даст.

– Вот те на, какую же надежду?

– Тот, кто верит, в надежде живет, что не оставят его Силы Небесные ни на земле, ни после смерти. Господь по жизни ведет и после неё наставляет.

– Так что же, Христос существовал, и на самом деле воскрес?

– Да, Саша, жил Христос среди людей, и распяли его, и воскрес он по воле Божьей, за нас грешных претерпев муки нестерпимые. И с нами людьми неблагодарными и по сей день он на земле супротив антихристу. И бьется Христос с антихристом за души наши. Кому из них, кто душу отдаст, с тем и пребудет до последнего страшного суда.

– Может ты, бабуля, еще и молишься, и в церковь ходишь?

– Молюсь милый, молюсь, и прошу Господа нашего Иисуса Христа душу мою по смерти прибрать. А до неё, внучек, уже недалече.

– А в чем смысл жизни, знаешь? – не без иронии спросил внук.

Не ответив, бабушка задумчиво замолчала, исполнившись особой значительностью, и, как показалось Саше, даже торжественностью.

С этого дня Библия постоянно лежала у нее на тумбочке, навсегда оставив свое недавнее укрытие на шкафу.

Надо сказать, мысли о смысле жизни пока не очень занимали Александра, да и сама жизнь казалась вечной и вполне занимательной. Однако природная любознательность, подогреваемая, порою настойчивым желанием, во что бы то ни стало докопаться до истины, часто бывала, не удовлетворена.

Например, никак не укладывалось в голове, что человек мог произойти от обезьяны. Кривляющийся примат! Умнее, конечно, свиньи, но все же...

В теории Дарвина, несмотря на кажущуюся бесспорную логичность, явно чего-то не хватало. Трудно было представить, что неумолимая эволюция привела неразвитый животный разум к вершинам человеческого гения. Но ведь откуда-то взялся же человек на Земле, и сама жизнь?! Неужели, правда, от Бога или инопланетяне завезли и то и другое?

Жизнь, по определению материалистов, являлась способом существования белковых тел, а разум – случайным продуктом развития материи. Сам себе человек виделся венцом эволюции планеты или даже космоса, так как в обозримом космическом пространстве наукою не просматривались признаки жизни. Извечная тема «Одиноки ли мы во вселенной?» была весьма распространенной у лекторов общества знания, активно несущих образование в народные массы. Тем не менее, выводы в конце этих лекций неизменно говорили не в пользу внеземных цивилизаций, а многочисленные свидетельства о НЛО считались в лучшем случае сказками, а то и проявлением коллективных галлюцинаций. Философия, превознося себя даже выше науки, говорила о бесконечности пространства. Но можно ли допустить, что в бесконечном, необозримом пространстве, которое по большому счету не только познать, но и представить то себе практически невозможно, существует лишь единственная обитаемая планета Земля, которая по своим скромным размерам сравнима разве что с атомом во Вселенной?

Понятие Бога вызывало у Саши, воспитанного на принципах материализма и научного атеизма, закономерное отторжение. Представление о нем складывалось, скорее на основе иллюстраций из церковных брошюр, иногда, случайно попадавших на глаза. Думалось, вот сидит некое могущественное существо на небесах, создает миры и воздает каждому в соответствии со своим произволением: кому добром, а кому и чем-нибудь другим. Вот ведь, фантазмагория, какая! Поверхностное прочтение Библии, воспринятой буквально, только закрепило негативное отношение к религии в целом.

Мир же человеком двадцатого столетия познавался эмпирическим путем, а верилось только в то, что можно было увидеть, потрогать, и, вообще, можно было доказать.

Да, вопросов было немало, но необходимость поиска адекватных ответов в данное время не тяготила развивающийся интеллект юноши. Вы спросите, а как же детские видения, грезы, непонятные ощущения? Все это пока отошло на задний план, в связи с быстрым формированием молодого человеческого индивидуума в личность по имени Александр Козлов. При этом совсем не безболезненный процесс взросления сопровождался активными поисками профессионального определения и своего места на социальной лестнице.

Но все же, кто истинный хозяин на Земле? Сам ли человек? Является ли он властителем своей судьбы?

В этой связи часто вспоминалась Саше сцена на Патриарших прудах из «Мастера и Маргариты». На утверждение Ивана Бездомного о том, что всем управляет человек, Воланд заметил, что для того чтобы управлять, необходим некий план на достаточно продолжительный период, хотя бы в тысячу лет. Но может ли строить подобные планы субъект, проживающий значительно менее короткую жизнь, при этом он не просто смертен, но, порой, к несчастью,

внезапно смертен?! Таким образом, как может чем-то управлять существо, не способное справиться с самим собой?

Но, повторимся, все, что было связано с религией, мистикой и тому подобным Александром на данном этапе его жизни категорически отвергалось. Отрицалось также существование Иисуса, Антихриста, каких-либо святых, а также всяких потусторонних сил.

Однако провидению вскоре было угодно поколебать ветхое строение из нетвердых материалистических убеждений и развеять туман юношеских иллюзий.

Коварный двойник

Саша в одиночестве сидел за столиком у окна дешевого городского кафе, доедая остатки слипшихся общепитовских пельменей, запивая напитком, напоминающим кофе, и рассеянно наблюдал пробегающих мимо по тротуару пешеходов.

«Все торопятся куда-то, спешат, мечтают о чем-то, а на самом деле бегают по кругу: работа – дом, дом – работа...»

Да, кстати, работа», – Саша глубоко вздохнул.

«Куда податься и кому продать свой молодой талант?».

В портфеле у него лежал диплом об окончании института и приглашение на собеседование в одну из силовых структур. Выбор, тем не менее, был невелик: или работа по распределению в народном хозяйстве, или служба в органах. Последнее предложение, определенно повышавшее самооценку, и сулящее некие романтические приключения, привлекало больше.

Александр живо представил себя в военной форме, степенно идущим по улице, заполненной молодыми девушками, не сводящими с него глаз.

«Что ж, занятно, стоит попробовать, а там видно будет», – решил он.

Таким образом, военная форма пока побеждала.

Продолжая мечтать, Саша медленно потянулся за чашкой кофейного напитка, но, подняв глаза, вздрогнул от неожиданности, увидев невысокого одетого в темный плащ молодого человека, стоящего напротив и с интересом, даже некоторым вызовом, разглядывавшего его.

Незнакомец обладал довольно привлекательной внешностью. Аккуратно уложенные, слегка удлинненные темно-русые волосы выгодно подчеркивали какую-то особенную бледность красивого, несколько вытянутого лица.

– Позвольте присесть, здесь не занято? – спросил он мягким вкрадчивым голосом.

– Да, да, садитесь, пожалуйста, – машинально ответил Саша, не успевший еще отвлечься от недавних раздумий.

Во внешности незнакомца было что-то отчаянно узнаваемое, до боли знакомое. Только глаза – они были чужие, черные, маленькие и колючие, лишённые какой-либо эмоциональной окраски.

Молодой человек присел на стул напротив, продолжая неотрывно разглядывать Александра, что последнему явно было не по душе. Мало того, неприятный, пристальный взгляд незнакомца, казалось, пронизывающий насквозь, вызывал беспокойство, и даже страх.

– Извините, не будете ли вы так любезны, сообщить, удались ли сегодня эти прелестные пельмени от фабрики «Красный пищевик?» – спросил он, несколько растягивая слова.

– Нормально, – буркнул Саша. Неожиданно возникший сосед по столику явно ему не нравился.

– Несмотря на ваш немногословный ответ, я все же закажу себе жаркое из баранины.

Александр чуть не подскочил от удивления. Ему очень хотелось ответить, что с такими буржуйскими замашками следует ходить в ресторан. Но в результате он промолчал, предпочтя быстро закончить трапезу и уйти.

– Да не торопитесь вы, – словно прочитав мысли Саши, ласково обратился к нему незнакомец.

– Я пошутил. Люблю, знаете иногда пошутить, а иначе жить не интересно. Конечно, я возьму себе салатика, какого-либо, и этих самых пельменей, другого горячего все равно нет. Да, кстати, не выпить ли нам винца? – весело спросил он, азартно хлопнув в ладоши.

– Здесь вина не дают.

– Эка невидаль, у меня с собой кое-что есть.

Незнакомец извлек, откуда-то из-под стола бутылку пятизвездочного армянского коньяка и принялся открывать её. Саша и глазом моргнуть не успел, как в неведомо откуда взявшихся граненых стаканах, уже плескался коричневатый напиток, наполняя окружающее пространство дивным ароматом качественного, дорогого продукта виноделия.

– Извините, я пить не буду, здесь вообще нельзя, – заплетающимся языком промолвил растерявшийся от неожиданности Саша и стал собираться на выход.

– Ну, это вы, Александр напрасно. Брезгуете, что ли, выпить со старым, можно сказать, другом? Или, может, вы трезвенник, тогда понятно. Хотя третьего дня, помнится, нализались вы с сокурсниками изрядно, да и весь туалет в общежитии, прости господи, испачкали, не за столом будет сказано.

Саша застыл от изумления. Да действительно позавчера они с ребятами в общежитии отмечали, уже в который раз, окончание института, и ему стало плохо от выпитого спиртного. Но, позвольте, откуда мог знать об этом этот странный человек, более того ему было известно имя...

– Еще отчество и фамилия, кстати, фамилия то явно не графская, – как бы вторя Саше, продолжал странный человек, весело ему подмигивая.

– Да, я должен извиниться за свою непростительную бестактность, поскольку даже не назвал себя. Честь имею представиться – Александр второй. Хотя, впрочем, может быть, и первый, это как посмотреть. А если угодно полностью – Александр Александрович Козловский. Как видите, почти полный Ваш теска, так Сан Саныч?

Тот, как подкошенный, упал на стул и уже полностью онемел от удивления, не в состоянии произнести ни слова.

– На самом деле, я вас, хотя, что мы все на «вы»? Давай перейдем на «ты», а? Не возражаешь? – не давая опомниться, продолжал Александр второй.

– Так вот, милый мой, тебя я знаю, может быть, даже лучше, чем ты сам себя.

– Да кто ты такой, откуда ты взялся, мать твою? – еле сдерживаясь, выпалил вдруг вышедший из состояния оцепенения Саша.

– Я и забыл, что употребление бранных, нецензурных слов также является твоим несомненным «достоинством», друг мой, не говоря уже об особой любви к женским прелестям. А, глянь, сколько здесь девчонок симпатичных, давай действуй, старик, не теряйся, я тебе помогу, хватай любую. Ха, ха, ха!

Омерзительный, с присвистом, и даже каким-то хрюканьем смех, никак не вязавшийся с приличным обликом незнакомца, окончательно отрезвил Сашу.

– Что за чушь, вы, то есть ты, здесь несешь. Пошел ты...

Не находя каких-либо объяснений происходящему, пребывающий в состоянии крайнего возбуждения от негодования и возмущения, Александр уперся в незнакомца испепеляющим, полным непонятно откуда взявшейся невообразимой ненависти взглядом.

– Хорошо, чего тебе надо? – вдруг спросил он, медленно, металлическим тоном чеканя слова.

– Изволь, охотно поведаю о своих намереньях.

Немного помедлив, словно давая Саше остыть, незнакомец, продолжая улыбаться, театрально откинулся на спинку стула и, ловко положив ногу на ногу, продолжил уже снова вкрадчивым, тихим голосом:

– Сейчас не время объяснять, откуда мне все известно о тебе, впрочем, об этом ты, быть может, вскоре узнаешь. Жизнь, мой дорогой, дается один раз, и моя главная задача сделать именно твою единственную жизнь ярче и успешнее. От того, насколько ты будешь ближе ко мне, напрямую зависит решение этой задачи. Положения в обществе, денег, благосклонности красивых женщин, удовольствий – вот чего я желаю для тебя. Но деньги, деньги – все же главное! Ибо без них не будет ни власти, ни положения, ни красивых женщин, а удовольствия

будут весьма скромны. Тебе нужна работа, позволяющая оперировать денежными средствами, и при определенных навыках и смекалке пользоваться ими в своих, так сказать, интересах. Существование только на зарплату в наших условиях равнозначно скучному прозябанию на задворках жизни, в нищете и бытовом пьянстве. Весь мир держится на законе доминирования сильнейшего, слабый уступает или погибает. Сила и власть открывают возможности для реализации любого желания. Именно желания определяют потребности и заставляют чего-либо достигать. Малое желание неизменно приводит и к малому результату. Жажда обретения власти может быть в той или иной мере удовлетворена, лишь при абсолютной концентрации всех усилий в достижении поставленной цели. Ведет желание, мой дорогой, вопрос лишь в том, насколько оно сильно.

Саша сидел, несмотря на невероятное внутреннее возбуждение, неподвижно, открыв от изумления рот. Только сейчас в сознании его мелькнуло, что не далее как утром этого дня, он, размышляя над своим будущим, подумал о том, что неплохо было бы сделать карьеру, стать большим начальником назло всем, кто не верил в него, и получать много денег. А еще, он вспомнил о том, что изредка, но у него все же возникало, особенно в моменты, когда его самолюбие было уязвлено, навязчивое, честолюбивое желание располагать черным персональным автомобилем с личным водителем и охраной – атрибутами особого положения в обществе. Но это ведь были только мимолетные мысли, которые и мечтами то назвать было нельзя, в силу их очевидной глупости и бессмысленности. Тем не менее, созвучие этих мыслей тому, что говорил незнакомец, буквально, поражало. Но ощущение нереальности происходящего полностью парализовало способность к соображению. Ему казалось, что все это лишь сон, который вскоре закончится, стоит только проснуться. При этом он даже машинально поднял руку, стараясь смахнуть сонную пелену, для того чтобы вновь обрести ощущение привычной действительности.

Вдруг незнакомец наклонился к нему и быстро, запальчиво зашептал на ухо:

– Нет, дрогой, это не сон, это куда более осязаемая реальность, о которой ты и не подозреваешь. Посмотри на меня, ведь я – это ты, ну же! Я – твое внутреннее естество, твой самый верный друг и помощник, именно поэтому я могу говорить с тобой откровенно о вещах, которые ты допускаешь только в мыслях, но, тем не менее, в глубине своего подсознания жаждешь их. Живи, получая удовольствия! Делай все для удовлетворения себя, ничего не таи и не сдерживай внутри своего «я». Наслаждайся и достигай желаемого источника наслаждения любым путем, даже, если для этого необходимо перешагнуть через другого человека.

Шепот незнакомца, казавшийся зловецим, завораживал, проникая в недостижимые, самые закрытые закоулки души и вызывая холодящий сердце ужас. Только сейчас Саша понял, кого напоминал его визави. Он, как две капли воды, был похож на его собственное, Сашино отражение в зеркале, но был куда более холеный, чем он. Только глаза, они были чужие и недобрые. Он вдруг четко осознал, что еще немного, и сойдет с ума.

Губы незнакомца энергично шевелились, но пришедший в полное расстройство мозг, произносимые слова уже не воспринимал. Коварный гость приблизился вплотную, и Саша, заглянув в глаза своего двойника, словно утонул в них, влекомый сильнейшим притяжением вдруг открывшейся перед ним темной, с яркими красными всполохами бездны, готовой поглотить его целиком. Бездна будто дышала и звала нараспев чувственными женскими голосами. Что-то теплое, липкое, тошнотворно пахнущее дешевыми духами и пороком, обволакивало всё его тело.

Неистово вскрикнув от ужаса, собрав последние остатки силы и воли, Александр, не имея других весомых аргументов для прекращения опасного знакомства, изо всех сил ударил по ненавистному лицу своего двойника, но сжатый до судороги кулак прошел сквозь пустое пространство. Изображение незнакомца вдруг потускнело, закачалось, как на волнах, и исчезло

через пару секунд. Всё было в точности как в каком-то голливудском фильме о таинственном призраке.

Окончательно обескураженный, Саша огляделся: по соседству, как ни в чем, ни бывало, сидели обычные посетители, не обращая на него ровно никакого внимания. Машинально он перевел взгляд на свой столик и даже не удивился, обнаружив отсутствие каких-либо следов недавно выставленного коньяка.

«Вот чертовщина, какая, может это болезнь или переутомление из-за выпускных экзаменов? Нет, точно, бред случился от температуры, измерить надо. Домой скорее, в постель, врача вызвать немедленно», – мысли метались, не находя опоры ни в одном доводе, который мог бы хоть как то объяснить происшедшее.

«Нет, врача нельзя, наверняка, поместят в психиатрическую больницу. Да и кому подобное можно рассказать? Никто не поверит! Может я, и правда, с ума сошел? Боже! Точно, с ума спятил!».

Он, полностью опустошенный, долго сидел неподвижно, изредка с опаской озираясь по сторонам. Постепенно стало приходить некоторое спокойствие, подкрепляемое лицемерием привычного, сонного обихода заштатного кафе, в котором уже ровно ничего не происходило. И от этого кафе стало казаться даже уютным.

«Да нет, все нормально, как всегда», – облегченно вздохнул Александр и, встав из-за стола, было, направился к выходу, как вдруг застыл, как вкопанный, глядя в зеркало в конце обеденного зала. Увидев своё изображение, он вроде вспомнил последнюю фразу, произнесенную незнакомцем. Ему даже показалось, что он снова услышал его омерзительный шепот. Но очевидная абсурдность воспроизведенных памятью слов почти убедила нашего героя в том, что двойник явился лишь плодом его воображения и результатом утомленного сознания. А фраза была такая: «Петельку не забудь затянуть потуже и помни, я всегда за спиной, или рядом, когда захочешь». Однако трагический смысл этих слов нашему герою был еще не ведом.

Глава 2. Прозрение

Измена

– Выпей, выпей сто граммов. Легче будет, – навязчиво, пьяным голосом бормотал Борис. Для Александра Борис еще со школы был закадычным дружкой, которому доверялись все сокровенные тайны. Забияка, редкий хвостун и болтун, но все же, закадычный. Вот как бывает.

Борис, сын вполне обеспеченных родителей, несмотря на скромные во всех отношениях возможности Козловых, почему-то всегда завидовал им, а терзающее его мучительное чувство зависти успокаивалось лишь в периоды, когда этой семье бывало нелегко. Вот, например, как сейчас: только недавно Саша похоронил отца, а тут еще любимая девушка Лариса предала и бросила его.

– Выпей, тебе говорят. Забудь ее, – Борис произнес бранное слово, вспомнив определение всех неверных женщин на свете.

– Лучше найдешь. Наплевать и растереть.

Он совал в руки опечаленного друга стакан с водкой, демонстрируя при этом невиданное участие.

Саша, рассеянно глядя куда-то в пространство, взял неуверенной рукой протянутый стакан. Выпил, залпом, не морщась.

– Молодец, настоящий мужик, вот как надо, – не без удивления глядя на него, пролепетал Борис.

После выпитой водки сознание Саши затуманилось, и в этом кружащемся тумане стали возникать образы и картины недавнего прошлого.

Вот они с Ларисой на озере, весело плещутся в воде. Вот нежно обнимая, он целует ее, застенчиво закрывая глаза, а она дрожит всем телом, обмякая в его объятиях. Вот они на разгульной дружеской пирушке, и в дискотеке. Молодость в своей беспечности ликовала и праздновала на торжестве беззаботного бытия.

Казалось, что жизнь будет вечно такой же радостной и счастливой.

Страстное, опьяняющее чувство первой любви, как бушующее море, подхватило и понесло к неведомым ощущениям молодую, неокрепшую душу. И она, душа неприкаянная, безудержно отдалась во власть чувственной стихии, не подозревая о грядущих опасностях...

Нарисованная воображением картина идеальной семьи, в которой верная, заботливая, внимательная, добрая и нежная жена готова ради любви преодолевать любые трудности, в одночасье потускнела, когда на предложение руки и сердца Саша услышал:

– Замуж, ты с ума сошел! На что ты жить то собираешься, на зарплату инженера в сто рублей? Её мне даже на джинсы не хватит.

Лариса раздраженно затрясла головой.

– Я подрабатывать буду, да хоть грузчиком, – окончательно уничтожая остатки униженного отказом любимой мужского самолюбия, хрипло, поникшим голосом промолвил он.

– Я выйду замуж за состоятельного, самодостаточного человека. Так что у тебя все впереди, Сашенька. Старайся дорогой. Ну а пока и так как есть, хорошо. Чего тебе не хватает?

Лариса, преодолев раздражение, снова стала ласковой, как прежде, словно ничего особенного не произошло, и никакого разговора не было.

Конечно, в создавшейся ситуации, предельно понятной по существу, Александру следовало сделать правильные выводы. Но, увы, выводов не последовало. Ведь он был влюблён по-

настоящему, а большинству влюблённых, глядящих на мир сквозь призму обожания объекта амурных вздыханий, свойственно не замечать очевидное.

Он продолжал с благоговением взирать на свою любимую. Во время свиданий, приводящих его в особое восторженное состояние, много говорил о литературе, ведь Саша просто боготворил Толстого, Достоевского, Камю, рассказывал об астрономии, которой увлекался еще с детства, читал стихи поэтов серебряного века. Однако его спутницу все это занимало мало, а иногда она откровенно скучала. Но ведь что-то привлекало Ларису в ее обожателе? Да, ей нравились в Саше необычайная открытость, искренность и какая-то детская наивность, позволявшая бесцеремонно, как с ребенком, играть с ним. Но это был не её избранник, и в результате столь стремительно вспыхнувший роман закончился быстрее, чем предполагалось.

Сродни финалам второсортных бульварных романов, развязка, в своей банальности, оказалась весьма примитивной. Лариса случайно была уличена в неверности и близости с другим мужчиной, неким мистером Икс, сотрудником Министерства внешних экономических связей, а Александр обречен был испытать всю силу нахлынувшего шквала страдания и разочарования.

Спасители из другого мира

Александр вот уже четвертый час медленно брел по улицам Москвы, не отдавая себе отчета в том, куда он идет. Мимо пролетали автомобили, пробегали вечно спешащие куда-то пешеходы, изредка задевая его и пуская в ход крепкие ругательства, справедливо возмущаясь рассеянностью, или даже некоторой неадекватностью этого странного молодого человека. А он все шел и шел, не замечая ничего и никого вокруг.

Нельзя даже сказать, чтобы он в данный момент только и думал о столь неожиданном и драматичном разрыве с Ларисой. Какие-либо мысли вовсе оставили его воспаленный мозг. Мысли просто остановились, и организм, пребывавший в шоке, осуществлял свои функции исключительно автоматически, не допуская никаких произвольных действий и не подчиняясь воле, ибо последняя была полностью парализована.

Он пришел в себя где-то на окраине города, у станции метро, когда снова вернулось чувство ориентации в пространстве. Посмотрев на часы, Саша понял, что путешествовал по городу около шести часов, о чем свидетельствовала, в том числе неимоверная усталость. Нужно было возвращаться домой, но вот этого как раз хотелось меньше всего.

Во время долгой обратной дороги, сидя в вагоне метро, он все время повторял один и тот же вопрос: «Что теперь делать?». А вместо ответа помутненное сознание выдавало единственное утверждение: «Все кончено!».

Это «все кончено» распространялось сейчас и на весь окружающий мир, который бескомпромиссно рушился дурною силою воинствующего юношеского максимализма.

Александр шел к дому.

«Кончено, кончено, кончено...», – сверлило в мозгу.

Ритмичные, медленные, тяжелые шаги гулко отдавались на лестнице слабо освещенного подъезда.

«Кончено, кончено, кончено...», – смысл настоящего сводился только к этому слову. Оно не имело альтернативы, и означало – предел, конец всему, чего хотел, что любил, к чему стремился.

Искоса, он увидел свое отражение в окне лестничной площадки и остолбенел от неожиданности. На него смотрело его, Сашино, отражение, но курьез состоял в том, что оно, отражение, вопреки острому драматизму настоящего момента, криво улыбалось, щуря маленькие злобные глазки, всем видом как бы говоря: «Так тебе и надо». И в этом отражении Саша, не без страха, узнал своего двойника из кафе. Его замутило от отвращения к этому омерзительному лицу и к самому себе.

«Необходимо прекратить все разом, покончить с собой, вот единственный выход», – пришло неожиданное решение.

Он вдруг вспомнил недавно, скоропостижно умершего отца, о котором сильно тосковал, и которого искренне любил с каким-то особенным трепетным восхищением и преклонением перед его непререкаемым авторитетом. Как нужна была сейчас Саше его поддержка и совет! Вспомнились многолюдные похороны, слезы на глазах друзей и родных, тягостное ощущение всё заполняющего беспросветного горя. Почетный караул, гора цветов у обитого красной материей гроба, в котором лежало то, что трудно было как-либо назвать, и что осталось от человека, всего лишь три дня до того жившего активной наполненной жизнью и даже не представлявшего себе, что эта казавшаяся долговечной жизнь так внезапно оборвется.

Трагические воспоминания только усугубили и без того отчаянное состояние. Саша, словно лунатик, прошел по квартире, машинально буркнув что-то в ответ проснувшейся матери.

Вдруг мелькнуло: «А как же она, мама? Ведь она не переживет еще одной смерти». Но навязчивое желание, сейчас же освободиться от невероятно мучительного чувства все заслоняющей убийственной тоски победило в эту минуту даже любовь к матери.

Замок в ванную шелкнул хлестко, как выстрел, и захлопнутая с силой дверь как бы отгородила нашего страдальца от бурлящей вокруг, суетливой и жестокой жизни. Освобождение, казалось, было близко. Но как его осуществить?

В безумии он схватил ножницы: «Вскрыть вены! Нет, тупые, не получится. Черт! Что же делать? Нет сил терпеть!».

Мысли метались, словно в горячечном бреде. Выступивший от напряжения обильный пот заливал лицо. Саша спешил, душевная внутренняя боль была уже вполне физической. Сердце рвалось из груди, и готово было разлететься на части.

Вдруг осенило: «Повеситься!».

Глаза лихорадочно бегали по потолку и стенам ванной комнаты, тщетно пытаясь найти на них какой-либо крюк.

«Труба полотенцесушителя, вот что надо!» – трясущимися руками Саша снял поясной ремень и, сделав на нем петлю, накинул на шею, а другой конец ремня кое-как привязал к трубе, которая была почти на уровне его головы. Резко присев, он обмяк всем телом, повиснув на ремне...

В глазах начало темнеть, на фоне застилающей зрение темноты стали возникать яркие вспышки и плавающие разноцветные круги. Боли не было, вслед за непродолжительным ощущением слабости появилась невероятная легкость, а земля стремительно уносилась куда-то вниз. Возникало ощущение полета и освобождения. Саша, словно, парил в воздухе, а в мозгу пронеслось: «Вот оно, слава богу!»

Не успел он мысленно произнести эту фразу, как вдруг осязаемо почувствовал, что парение в воздухе прекратилось. Он как бы был остановлен перед незримой стеной. Из возникшей перед его взором синеватой пелены появился отчетливый образ той прекрасной Феи, которую он видел когда-то в детстве, во время операции. Её невозможно было не узнать.

Фея нежно, с любовью и даже, Саша чувствовал это, с состраданием смотрела на него. Неземной, волшебный свет и покой исходили от нее.

– Где же ты была? Я так долго ждал тебя! – Саша простер к Фее руки с желанием приблизиться к ней и раствориться в этом манящем прекрасном свете, но не сумел сдвинуться с места.

– Не спеши, дорогой мой, – нежный, мелодичный голос Феи лился как музыка, успокаивая и маня – еще не время для встречи. Ты поторопился и тем самым нарушил Закон.

Мелодия голоса приобрела серьезные ноты.

Саша ничего не понимал.

– Я не понимаю! – в разочаровании закричал он.

– Внемли! – вдруг прозвучал густой, раскатистый, словно громовой голос, исходящий от какого-то неземного существа, незримое присутствие и невероятную силу которого Саша ощутил всеми фибрами своей заблудившейся и отчаявшейся души. Его затрясло, как в лихорадке.

– Самоубийство являет собой тягчайший из всех грехов, на искупление которого требуются иногда тысячелетия, – четко продолжал декламировать голос.

– Сейчас ты не ведаешь себя, но впереди путь трудный и прекрасный, где все зависит лишь от тебя самого. По незнанию совершен грех, потому возвращаешься обратно, в лоно трудностей и испытаний. Молись, чадо, и помни час сей!

При последних словах пелена перед взором Саши спала, и на один только миг увидел он невообразимо прекрасное, бездонное, божественно голубое небо, из бесконечных просторов которого изливались неисчислимые, переливающиеся тысячами оттенков лучи неведомого, беспредельно удаленного, но и в тоже время вездесущего света. В одном из лучей возник и тут же исчез образ седовласого старца в длинных белых одеждах.

Александр стремительно полетел куда-то вниз, к земле, и через мгновения снова ощутил себя в ванной комнате. Тело его продолжало содрогаться. Он лежал на кафельном полу, рядом валялся развязанный ремень. В дверь колотила испуганная мать, плача и причитая. Саша с трудом встал, и, отряхнув ослабевшими руками помятые брюки, открыл дверь.

Мать, донимая расспросами, принялась целовать сына, который с отрешенным видом застыл, словно, глядя куда-то в пространство. Мысли его были далеко.

Манифестация веры

Время шло своим чередом, изменяя людей и окружающие их декорации на сцене вечной драмы под названием «жизнь».

Вроде все у Александра стало понемногу налаживаться, но пережитые события не давали покоя, как ни пытался он гнать от себя неприятные воспоминания. Что же случилось, кого он все-таки видел? Было ли это реальностью или видением, сном, в конце концов. Однако что-то слишком много странных «снов» привиделось наяву. Все чаще возникала мысль, что всё это было далеко не случайно. Но почему это происходило именно с ним? Будто кто-то специально указывал на то, что существует другая реальность, отличная от привычной реальности, которая день за днем окружала его. В то, что ему реально довелось встретить некие существа, которые явно не походили на представителей рода человеческого, Саша почти поверил. Но если это были пришельцы из каких-то других измерений или, страшно подумать, иных миров, то все становилось с ног на голову. В таком случае рушились все сформулированные современной наукой представления о мироздании, в которых не было места подобным феноменам, более того, они категорически отрицались. Получалось, что ученые не знают ничего. Но здесь что-то не вязалось.

«Да нет, не могут ученые ошибаться, ведь практически всему есть объяснение», – размышлял он.

«Надо только поискать в литературе, энциклопедиях различных, журналах».

Однако, пытаясь убедить, прежде всего, себя, Саша все больше понимал, что объяснений увиденному в научной литературе он не найдет. Мало того, даже обращаться за советом к кому-либо не стоило. Вопрос был настолько деликатным, что его обсуждение могло вызвать подозрения во вменяемости вопрошающего.

Единственное, что настойчиво приходило в голову, это упоминание об ангелах господних из бабушкиной библии, но очевидная нереальность подобных допущений только смущала. Перебирая в уме книги писателей – фантастов, Александр вроде бы даже находил какие-то аналогии, но ведь герои фантастов были плодом их воображения, вымыслом автора, так сказать. Вспоминались даже детские сказки, но это было, пожалуй, уж слишком неправдоподобно.

Временами, проходя по улице, он осторожно оглядывался по сторонам, боясь увидеть еще одного «пришельца», а в зеркала старался глядеться реже, каждый раз, со страхом выискивая в зеркальном отражении признаки присутствия ужасного двойника. Конечно, этого не могли не заметить близкие.

– Ты, Сашенька, что-то очень нервным стал, будто опасаясь чего-то и молчишь все время, – бабушка внимательно посмотрела на внука.

– Я уж всякое передумала и молюсь за тебя каждый божий день. Что тревожит то тебя, милый мой?

– Ничего страшного, бабуля, не волнуйся. Да, кстати, – вдруг встрепенулся Саша, словно вспомнил что-то.

– А где книга то твоя, ну эта, Библия, – промолвил он смущенно.

– Да вот она, возьми, – указывая рукой в сторону прикроватной тумбочки, не без удивления ответила бабушка.

– Совет тебе дам, прочитай, только не торопись, прежде всего, евангелия.

Саша совершенно с другим чувством, нежели в первый раз, можно сказать, с интересом принялся за чтение.

Он читал и перечитывал тексты евангелий, останавливался, глубоко задумавшись, и снова читал. Временами, не понимая сути прочитанного, отбрасывал в раздражении книгу. Затем, спустя какое-то время возвращался к ней снова.

Воображение постепенно формировало образ Иисуса. Он представлялся нашему герою выдающимся человеком, пророком, целителем, философом, святым, учителем, исполненным безграничной любви к людям. Но эти люди, тем не менее, предали и растерзали его! Его, который во имя все той же любви простил их и принес великую жертву.

Саша вспоминал слова из заповедей Христа: «Не убивай; не гневайся на брата напрасно; если брат твой имеет что-нибудь против тебя, пойди и примиришься с братом твоим. Не прелюбодействуй, всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействует с нею в сердце своём. Прощайте врагам вашим, прощайте людям согрешения их и прощены будете. Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким и будете судимы, а какой мерой мерите, будет отмерено вам. Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними. Будьте совершенны, как Отец ваш небесный. Служите Богу, не можете служить двум господам – Богу и мамоне (богатствам земным)...».

Так вот, логика осознания евангельского учения подводила еще к одному непростому вопросу. А заключался он в том, что если бы люди, считающие себя христианами, и составляющие не менее трети населения земного шара, на деле соблюдали эти заповеди Христовы, разве был бы мир таким, каким мы его наблюдаем – жестоким и несовершенным? Вопрос естественно был риторическим. Получалось, что провозглашенные нравственные идеалы остались, в большинстве своем, недостижимыми в обществе, погрязшем в грехах и терзаемом непрекращающимися войнами.

"Не послал Бог сына своего, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был через него. Суд не состоит в том, что свет пришел в мир, но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы", – читал Саша.

"Получается, что человеческое общество во многом основано на лжи и лицемерии", – рассуждал он. – "Люди думают одно, делают другое, верят в свет, но зачастую насаждают грех, потворствуя тьме. Боже, как несовершенен мир! Или, может быть, несовершенен, прежде всего, сам человек?"

Кто есть Отец небесный, о котором говорил Иисус? По всему получалось, что Бог, Бог – Отец, Отец небесный – это равнозначные определения некой могущественной, вездесущей ипостаси. Также было очевидно, что понятия Царства небесного и Высшего суда являлись атрибутами этой самой Божественной ипостаси. Но кто, или что есть Бог? Александр настойчиво спрашивал себя, и не находил ответа. Он понимал, что не будет больше ему покоя, пока не поймёт, зачем живёт он на земле, и не ответит на все явленные растревоженным разумом вопросы. Но как прекрасен был образ Христа!

Как-то ночью, чувствуя усталость после подобных напряженных размышлений, испытывая непреодолимую потребность излить накопившееся душевное напряжение, Саша отчетливо представил лик Иисуса с бабушкиной иконы, которую она тщательно прятала от посторонних глаз. И вдруг, неожиданно для себя самого, он зашептал слова молитвы: "Отче наш сущий на небесах! Да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам; и прости нам долги наши, как мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого; ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки веков. Аминь". Сердце трепетало в радости преодоления уже сломленных барьеров воинственного атеизма. В конце молитвы Саша, чуть вздрогнув от возбуждения, осенил себя крестным знамением, подивившись, ведь этого он не делал никогда, и даже не задумывался над тем, как следует креститься.

"Да будет воля твоя. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь", – и снова Александр перекрестился.

Он произносил молитву воодушевленно, будто проснувшись от долгого сна неведения, с пылом обращал слова прекрасному образу Христа, куда-то в пространство, в котором, казалось, жило нечто прекрасное, доброе, справедливое, все понимающее и все прощающее. Нико-

гда не испытываемое раньше чувство блаженного спокойствия наполнило его. И, похоже, это было первым актом, манифестацией пробуждающейся веры...

Саша стал периодически захаживать в находящийся неподалеку православный храм. Он старался максимально проникнуться атмосферой и духом христианства. Однако, несмотря на то, что вера уже пробудилась в его душе, пытливый ум продолжал искать рациональное объяснение извечным тайнам мироздания. Все еще не найдены были ответы на вопросы возникновения и развития окружающего мира, происхождения человечества. То, что говорила об этом наука, до конца не удовлетворяло. Сомнения, сомнения, они не давали покоя! Именно поэтому Александр старался, по возможности, посещать различные лекции, интересные встречи в самых разных просветительных учреждениях и клубах. И вот однажды на одном из таких мероприятий он встретил человека, которого, похоже, уже давно искал.

Судьбоносная встреча

Небольшой конференц-зал библиотеки имени Н.А. Добролюбова был почти заполнен посетителями. С минуты на минуту здесь должен был начаться вечер, организованный клубом с интригующим названием – «Космопоиск», члены которого занимались изучением различных необычных, в том числе аномальных, явлений природы.

Из-за стола президиума поднялся степенный мужчина среднего возраста с аккуратной, слегка тронутой сединой, бородой и, поправив черный галстук-бабочку в белый горошек, не очень подходивший к его мешковатому костюму и серой сорочке, предоставил слово гостье вечера Аделаиде Михайловне, так он ее назвал. Ведущий представил ее как человека, обладающего даром ченнелинга, то есть способностью каким-то образом устанавливать контакт с внеземным разумом. При этом он слегка пожал плечами, будто выказывая сомнение, и затем несколько театрально протянул руки к залу, как бы приглашая слушателей к дискуссии.

Александр обвел взглядом присутствующих. Было заметно, что большинство из них пришло на встречу, скорее, простое любопытство. Некоторые из пришедших были настроены весьма скептически, о чем свидетельствовали их настороженные взгляды и напряженные лица. Но были и те, кто ожидал встречи с героем вечера, демонстрируя неподдельный интерес.

Аделаида Михайловна сначала сидела в президиуме с сосредоточенным видом. Она то периодически обводила пространством взглядом зал, то поднимала глаза кверху и застывала в этой позе не некоторое время. Вообще она производила необычное впечатление. На вид ей было лет под шестьдесят. Длинные с проседью волосы спадали на худые плечи, которыми она периодически подергивала, что выдавало чувствительную организацию нервной системы. За строгим костюмом старомодного кроя угадывалась почти аскетическая худоба, которую подчеркивали достаточно высокий рост и длинные тонкие руки.

Аделаида Михайловна на призывы ведущего, выступить сидя, ответила, что ей удобнее стоять во время общения с аудиторией. При этом она обошла стол президиума и предстала перед слушателями.

То, что она затем поведала, повергло всех присутствующих, не исключая Александра, в полнейшее изумление.

– Прошу отнестись ко мне снисходительно, так как я никогда не выступала публично, – начала Аделаида Михайловна. – Также прошу выслушать меня без преждевременного осуждения и скепсиса. Ну а те из вас, кому мой рассказ покажется шокирующим, могут сразу же покинуть зал без каких-либо условностей. На вопросы оставшихся я буду потом готова ответить.

Далее она без всяких вводных частей перешла к главному.

– Я являюсь контактером, то есть могу при необходимости вступать в контакт с разумными существами, находящимися за пределами Земли. Необходимость эта определяется или моей потребностью, когда у меня возникает тот или иной вопрос, или внеземные существа сами, по своему произволению обращаются ко мне в зависимости от тех задач, которые они перед собой ставят. опережая вопросы, скажу, обитаемых миров в нашей галактике, а также в других галактиках достаточно много. Лично со мной контактируют представители союза цивилизаций. Большинство из этих представителей совсем не похожи на нас, землян. Некоторые из представителей этих цивилизаций скорее напоминают нас внешне. Но уровень их развития значительно превосходит наш. Сама я их могу видеть, как бы внутренним взором, только временами, и на краткий миг. Весь контакт происходит телепатически или через голоса, но всё же чаще методом телепатии. Эти цивилизации достаточно доброжелательно настроены к нам и готовы помогать, при необходимости. Но есть в космосе, как мне рассказывали, и достаточно воинственные цивилизации, которые относятся к нам с большим недоверием. Моя задача состоит в том, чтобы получать информацию от тех внеземных существ, которые со мной

контактируют. Часть информации мне разрешено записывать, некоторые получаемые мной сведения предназначаются для каких-либо людей, и до них я эту информацию доношу. Но я не могу сказать, какого рода информацию получаю, так как мне это делать категорически запрещено. Рассказываю только то, что мне разрешено открыть. Однако далее по ходу нашей встречи, дабы не превращать ее в фантазмагорию, я готова ответить на ваши вопросы, – Аделаида Михайловна сложила руки ладонями на уровне груди, как это делают индусы, и слегка поклонилась, ожидая реакции публики.

Пока она говорила, в зале стояла «мертвая» тишина. Затем стулья заскрипели, задвигались, слушатели заметно оживились. Однако трое молодых людей с явно недовольным видом, бросая недоумевающие взгляды в сторону президиума, все же покинули зал.

– Итак, мы ждем вопросов, – снова вскочил ведущий, нервно теребя свою бабочку в горошек. Похоже, он не совсем ожидал, какого характера информацию придется услышать.

– Скажите, откуда у вас появились эти способности, о которых вы говорите, ведь это, просто, уму непостижимо? – прозвучал первый вопрос.

– Это случилось около двадцати лет назад, когда я, будучи сотрудником института биофизики, находилась в командировке в одной из, как сейчас говорят, аномальных зон. Но об этом, пожалуй, лучше расскажет мой бывший коллега по институту, Петр Иванович, – сказала Аделаида Михайловна, указывая на сидящего в первом ряду полноватого немолодого мужчину.

Петр Иванович неспешно встал, обернувшись к залу лицом, и, оглядев присутствующих, спокойным голосом начал рассказ:

– Да, мы с Аделаидой, в составе небольшой экспедиции, по заданию института находились в Самарской области в зоне, считавшейся аномальной. Аномалия выражалась в том, что в этой зоне фактически не работал компас, стрелка крутилась как бешенная. Также глючили все измерительные приборы и радио. Так мы до конца и не поняли, в чем была причина. В общем, чертовщина какая-то. Так вот, однажды Аделаида пошла за водой к источнику с нашим коллегой инженером и пропала. Нашли мы ее только на следующий день, но одну. Инженера так и не нашли. Она была в норме, только ей казалось, что она отсутствовала всего полчаса, до источника то всего сто пятьдесят метров. Очень она удивилась, что искали ее сутки. В поисках и милиция участвовала и местные, все вокруг обыскали, и, вдруг, обнаружили Аделаиду на тропинке от источника, как ни в чем не бывало, и с полным ведром воды! Ведь сто раз по этой тропинке во время поисковой операции пробегали, а тут такое. А куда делся наш инженер, так никто и не узнал. В общем, походило все это на некое искривление времени, как бы изменение пространственно-временного континуума в конкретном месте. Хотя, конечно, звучит фантастически, и нам в Москве мало, кто верил. Но мы – то все это наблюдали своими глазами. А насчет инопланетян не скажу, не видел.

– Так, вы, Аделаида Михайловна, вспомнили, что с вами произошло? – раздался второй вопрос.

– Нет, я ничего не помнила, только, как уже сказали, думала, что отсутствовала всего тридцать минут. Инженер, который со мной пошел, как мне казалось, сразу на тропинке куда-то исчез, я позвала его, но он не откликнулся. А потом я ничего не помню, была, словно, во сне. После этого случая меня стали беспокоить частые головные боли, такие упорные, что таблетки обезболивающие плохо помогали. А через пару лет боли прекратились, но я стала ощущать какие-то звуковые сигналы, исходящие, казалось, из глубины мозга. Потом, через какое-то время звуки стали более гармоничными, как бы систематизированными, и я стала различать отдельные слова. Сначала я испугалась, думала с ума схожу. Но затем поняла, что кто-то пытается установить со мной контакт таким необычным способом. И когда мне сказали, кто они, я не поверила, сомневалась. А потом они, кто вступил со мной в контакт, назвали

мне два события, которые должны были произойти, и эти события действительно произошли, в том числе Чернобыльская авария. Вот тут я, конечно, сильно была поражена и поверила...

Дальше вопросы сыпались один за другим.

– Кому конкретно предназначалась информация, которую вы получали, вы сказали для каких-то лиц?

– На этот вопрос отвечать мне запрещено, это конфиденциальная информация.

– Почему представители внеземных цивилизаций, как вы говорите, не войдут в официальный контакт с соответствующими структурами, в том числе научными?

– Насколько я знаю, такие контакты осуществлялись неоднократно, но они были отвергнуты, видимо по разным причинам. Но главное было – недоверие. Поэтому они, представители внеземного разума, выбирают по определенным критериям отдельных землян, и осуществляют необходимый контакт через них.

– Почему вы говорите, или там кто-то вам говорит, что обитаемых миров много, а наша наука это отрицает и никого в космосе не видит?

– Наука не может видеть обитателей этих миров, поскольку отрицает существование других видов, или состояний материи, за исключением видимой физической материи. Соответственно никакие исследования в этом направлении, очевидно, не проводятся. А вот эти миры и их обитатели, о которых я говорю, как раз и состоят из этой невидимой нам материи.

– Почему же, раз эти внеземные существа расположены к нам доброжелательно, то они не могут вступить с нами в контакт каким-то другим, убедительным способом, чтобы мы все поняли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.